



Филимонов К.Г., Топычканов А.В. «Идеи университета»: за пределами этатизма, менеджериализма и «башни из слоновой кости» (к вопросу о медиативных функциях университета). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 104–126.

УДК 378.4

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204

«ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТА»: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭТАТИЗМА, МЕНЕДЖЕРИАЛИЗМА И «БАШНИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ» (К ВОПРОСУ О МЕДИАТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ УНИВЕРСИТЕТА)¹

Кирилл Геннадьевич Филимонов

младший научный сотрудник Центра политологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия
E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com
ORCID: 0000-0001-7698-8666
SPIN-код: 1930-3186

Андрей Владимирович Топычканов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
кафедры истории и теории политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
E-mail: topychkanov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5372-4414
ResearcherID: A-6005-2017
ScopusID: 57191092610
SPIN-код: 2551-5113

*Статья поступила 20.12.2019, принята к печати 12.02.2019,
доступна online 06.07.2020*

Современные университеты часто становятся объектами дискуссий в публичной сфере, в ходе которых обсуждаются актуальность университетских программ, финансирование науки и высшего образования и ряд других вопросов. Данные дискуссии вновь и вновь побуждают политических теоретиков к рефлексии по поводу

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта № 19-011-31634 «Университет как медиатор: разработка концептуальной модели позиционирования университета в государственной системе и в разрешении вопросов социально-политического развития», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

«идей университета». Эти идеи связываются с ценностями, ожиданиями и убеждениями и чаще всего выражаются в форме нормативных представлений, основанных либо на прагматизме, когда университет определяется как функциональный элемент государственной системы, либо на утилитаризме, когда от него требуется удовлетворить экономические запросы общества, либо на идеализме, предполагающем позиционирование университета как «башни из слоновой кости». Обозначенные позиции несколько преувеличивают значение одних характеристик университета в ущерб другим, не только искажая оптику исследования, но и определенным образом корректируя социальные убеждения, влияющие на развитие государственных систем и университетов. Отталкиваясь от институционального подхода, авторы данной статьи попытались предложить теоретическую позицию, позволяющую уловить текущую прагматику университетского сообщества, рынка и государства в отношении развития университетов и определить их вклад в организацию социального порядка. Согласно этой позиции университет следует рассматривать как институт-медиатор, который а) обладает публичной субъектностью; б) выступает агентом социальных отношений, действуя в качестве организационной формы университетского сообщества; в) осуществляет коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков); г) создает условия для взаимодействия различных участников социальных отношений, в том числе на собственной площадке, в рамках формализованной рациональной публичной дискуссии; д) наконец, производит знания, влияющие на организацию социального порядка. Все это в совокупности и позволяет считать университет медиатором. Такая позиция университета позволяет ему успешно выполнять свою медиативную роль как внутри университетской корпорации, так и вне ее, балансировать между различными социальными ожиданиями и оставаться одной из самых стабильных и адаптивных организационных форм, конституирующих социальный порядок.

Ключевые слова: университет, «идея университета», этатизм, менеджериализм, медиация, институт-медиатор, социальный порядок.

Современный корпус знаний об университете обширен. С момента своего возникновения он представлял собой попытку реализовать определенный жизненный идеал, который, подобно другим общественным институтам – Римской католической церкви, средневековой сословной иерархии или современному национальному государству, упорядочивал бы общественные отношения, связанные с воспроизводством знаний, профессиональной подготовкой кадров и экспертизой. Каждая попытка упорядочивания, в свою очередь, породила комплекс представлений о том, что есть университет, для чего он предназначен и каковы его перспективы.

Эти более или менее структурированные представления – *идеи университета* – неразрывно связаны с ценностями, ожиданиями и убеждениями, которые во многом и определяют содержание каждой конкретной идеи. Многовековая история университетов накопила целый комплекс такого рода идей. Некоторые из них стали достаточно влиятельными, чтобы определять направления научных исследований и государственной политики в отношении университетов. Другие же менее заметны в публичной сфере и в политике, но продолжают занимать ключевые позиции в научном дискурсе об оптимальной «идее университета». Однако для исследователя важно сохранять критический взгляд при рассмотрении доминирующих позиций,

уделяя внимание и тем подходам, которые не являются популярными на данный момент.

В противном случае мы рискуем получить искаженное представление о роли, которую университеты играют в организации социетального порядка, а наше изучение этой роли сведется к «работе с [популярными] прилагательными» (Кузьминов, Песков 2017: 209) и к аргументации в пользу исследовательского, предпринимательского или «цифрового» университета. Вполне вероятно, что доминирующая «идея университета» не будет соответствовать ни реально существующим запросам государства, рынка или общества, ни тем возможностям, которые требуются для ее практического воплощения. Более того, теоретически привлекательная «идея университета» может получить столь широкое признание в публичном дискурсе, что начнет определять не только государственную политику, но и методологические предпочтения академического сообщества – эвристику «идеи университета», меняющую социетальный порядок.

В конечном итоге формируется комплекс «идей университета», которые побуждают одних – к борьбе за независимость и автономию университетского сообщества, а других – к тому, чтобы коммерциализировать исследования и встроить университет в цепочки производственных отношений, работающих на интересы развития территорий. Подобные расхождения создают немалые сложности для исследователей, которые пытаются продемонстрировать роль университета в организации социетального порядка. Однако их необходимо преодолеть, чтобы, во-первых, комплексно проанализировать социетальную роль университета, а во-вторых, акцентировать те аспекты, которым уделяется сегодня гораздо меньше внимания, чем обсуждению вклада университетов в очередной технологический «прорыв». Речь в данном случае идет о том, какое место занимает университет в определении современной демократической политики (Гуторов 2009: 33; Гуторов 2019) и насколько сегодня велика доля участия и/или представительства, которые университетское сообщество имеет в универсальном политическом пространстве.

У истоков «идеи университета». Исследование «идеи университета» как таковой предполагает анализ его институциональной эволюции. Истоки формирования этой идеи некоторые ученые видят в античной высшей школе¹, однако только Средневековье придало объединениям преподавателей и учеников – *universitas magistrorum et scholarum* – характер корпоративной организации, наделив их от имени Римского папы или императора Священной Римской империи правами и привилегиями. Это позволило некоторым медиевистам утверждать, что с момента своего возникновения университеты были властными институтами или даже своеобразными институтами управления (см.: Ле Гофф 2001: 413). Триада «*imperium* (светская власть) – *sacerdotium* (церковная власть) – *studium* (власть знания)» довольно удачно описывает позиции университетов,

¹ Этот взгляд на ранние истоки университетской организации представлен, например, в работе (Walden 1909).

если рассматривать ее как комплекс социальных, экономических и политических ожиданий или даже притязаний. В структуре этих притязаний знание, культивируемое в университетах, имело статус властного ресурса. Опираясь на принципы интеллектуального и культурно-языкового универсализма и сформировав общий корпус авторитетных текстов, университетское сообщество создало систему социально-экономических отношений вокруг интеллектуального продукта, который оно производило. В результате постепенно формировалось то, что исследователи высшего образования назвали «рынком академического знания» (Weik 2014). Субъектность университетской корпорации отчетливо проявилась в ее позиционировании на этом «рынке» сначала как очевидного монополиста (De Ridder-Simoens 2003), а затем как одного из агентов, монополия которого была оспорена в эпоху Возрождения гуманистами, представителями «республики ученых», ордена иезуитов и иных конкурирующих структур (Casanova 2004; Grendler 2018).

На протяжении Средних веков и раннего Нового времени влияние университетов на выработку и принятие политических решений существенно колебалось. В процессе формирования национальных государств они постепенно начинают встраиваться в структуру государственных систем и меняющиеся конфигурации публичных институтов, испытывая кризис собственной идеологии. В наибольшей степени это проявлялось в работе высших факультетов (теологического, юридического и медицинского), преподавание на которых санкционировалось правительством с целью «оказать наиболее сильное и длительное влияние на народ» (Кант 2002: 50). Говоря о содержании такого влияния применительно к юридическим факультетам, И. Кант утверждал следующее: «Просвещение народа есть публичное обучение народа его обязанностям и правам по отношению к государству, к которому он принадлежит» (Кант 2002: 210). Сохранив за университетами статус привилегированных корпораций, Прусское общее земское уложение 1794 г. открыто провозгласило, что «университеты являются учреждениями государства, которые намерены обучить юношество полезным знаниям и наукам» (Kahl 2004: 11).

На рубеже XVIII–XIX вв. утверждается модель исследовательского университета, конституирующим элементом которой становится производство знания. Современный нам университет – это результат эволюции исследовательского университета (Wittrock 1993: 370) в процессе взаимодействия его с более новыми формами производства знания, организации образования и экспертизы. Идеологи классического университета выступали за его политическую нейтральность (Куренной 2020: 26–27), однако на практике служение общему благу отождествлялось со служением государству, нации и обществу, что способствовало налаживанию связей между университетом и правительством, между формами знания, исследования и экспертизы, с одной стороны, и практиками управления, существовавшими в различных

¹ Лучше всего данные связи исследованы на примере работы юристов (Schnur 1986; Уортман 2004; Шахрай, Краковский 2017 и др.).

политических сообществах, – с другой¹. Новое положение университета отразилось в особом статусе университетских профессоров, которых Фритц Рингер метафорично назвал мандаринами, то есть государственными служащими (Рингер 2008, ср.: Александров 2002; Тихонов 2014). В результате к XX в. университет подошел со значительным опытом конструирования публичной субъектности, позволяющим в той или иной степени согласовывать научный этос, корпоративную солидарность и политическую вовлеченность¹.

«Идеальные типы» позиционирования университета в публичной сфере. В XX в. в процессе институционального развития университета, приведшего к появлению массовой формы данного института, развернулась публичная полемика вокруг идеалов высшего образования. Некоторые исследователи, например Б.Р. Кларк, считают, что такие дебаты не имеют особого смысла, равно как и трата времени на изучение их интеллектуального наследия (Кларк 2011: 32-33). Однако согласно современному институциональному подходу траекторию социетального развития определяют не только формальные правила, но и структура мотивации, как раз включающая идеи, убеждения и представления (Aghion et al. 2010; Грейф 2013). Именно поэтому следует уделить внимание идеалам – прагматическому, идеалистическому и утилитаристскому комплексам убеждений и ожиданий по поводу должной организации университета. Каждый идеал задает траекторию, по которой развиваются наши представления о «правильном» устройстве университета, определяются ключевые направления публичной дискуссии об университете и осуществляется организационный анализ университетов². Обзор этих позиций составляет предмет дальнейшего исследования.

К *первому типу* идеала позиционирования университета в публичной сфере относится комплекс представлений об университете как о публичном или же государственном институте, глубоко укорененном в структуре государственной системы. Он тесно связан с правительственной бюрократией и чаще всего рассматривается последней как инструмент «национальной» государственной политики в области науки и высшего образования. Его целеполагание – воспроизводство социально-экономического порядка. В отдельных случаях – это зависит от возраста университета, количества его достижений и влияния на публичное мнение в целом – сторонники данной позиции склонны подчеркивать роль университета в сохранении социально-политической традиции.

Второй тип идеала университета заставляет акцентировать внимание на таком организационном аспекте, как автономия по отношению к внеш-

¹ Этот опыт особенно заметно проявил себя в период революционных потрясений (Ростовцев 2017) и Первой мировой войны (Chagnon, Irish 2018; Taylor 2018).

² Выделение этих траекторий представляет собой довольно упрощенный взгляд на организационные идеалы университетов, администрация которых нередко комбинирует различные идеальные типы, например интерпретируя локальные задачи социально-экономического развития как служение интересам нации (Vok 1982: 8, 25, 61).

нему миру, «полному благих намерений» и диктующему университету, как следует проводить исследования, что необходимо изучать и что преподавать. И здесь мы встречаем целый ряд совершенно блестящих в риторическом отношении приемов, с помощью которых адепты этого подхода призывают университет избегать любых форм патронажа внешнего мира и «не продавать право, присущее ему в силу происхождения, за миску чечевичной похлебки» (Oakeshott 2004b: 30).

Третий – содержит комплекс представлений, восходящих к концепции нового государственного менеджмента, которая взята на вооружение сегодняшней российской политикой в области науки и высшего образования. Изъяны и преимущества соответствующей траектории развития университетов в достаточной мере обсуждались в публичных дискуссиях и на страницах научных журналов¹. В нашем случае отметим, что данная траектория заставляет университет перестраивать свои подходы к образованию и науке, а также более активно взаимодействовать с внешней средой как в рамках своей «третьей миссии» – приписываемой и/или «добровольно» взятой на себя, так и в рамках рынка, меняющего этатистские установки правительственной бюрократии и университетской администрации и заставляющего ее искать новые источники финансирования.

Во внутренней политической экономии университетов данные идеалы преобразуются в три модели структурно-функциональной организации университетов, описанные в работе Т. Парсонса и Дж.М. Платта «Американский университет» 1973 г. Авторы выделяют (1) модель «рынка», в котором факультеты выступают «производителями», а студенты «потребителями» интеллектуального продукта; (2) модель бюрократической организации, где ведущая роль принадлежит руководству университета (ректорам или советам попечителей), сотрудники факультетов находятся в позиции «менеджеров» среднего и низшего звена, а студентам отведена роль «сотрудников», которые должны следовать указаниям; (3) модель демократической ассоциации, в которой все члены университетского сообщества – студенты, преподаватели/исследователи и руководство – действуют как «граждане» определенного политического сообщества; в отдельных случаях также учитывается роль работодателей (Parsons, Platt 1973: 125)².

На каждом уровне социетальной организации университет выполняет свою роль – либо промышленной корпорации для развития инноваций и трансфера технологий, либо правительственной структуры, реализующей

¹ См., например, специальный выпуск журнала «Социальная эпистемология», в котором редакторы акцентируют тему позиционирования университета в публичной сфере в условиях цифровизации и «экономики знания» (Cruikshank, Abbinet 2019).

² За рядом исключений, связанных с изменениями конфигурации рынка труда и профессиональных компетенций, исследование Т. Парсонса и Дж.М. Платта сохраняет свою актуальность с теоретико-методологической точки зрения. Например, третья из приведенных авторами моделей остается популярной в институциональных исследованиях высшего образования вплоть до настоящего времени (Соколов, Лопатина, Яковлев 2018).

государственный/национальный интерес, либо культурного института, сохраняющего знания и поддерживающего традицию (Bleiklie 1999: 510). Все три роли суть следствия преобладания определенного стиля в политике, устанавливающего приоритеты для социетального развития – от построения «национальных идентичностей» до служения «общественному благу». Как правило, приоритеты либо навязаны внешней по отношению к университету средой, либо сформулированы университетской корпорацией в ответ на давление этой среды (как, например, приоритет ограниченного вмешательства «общества» и «государства» во внутренние дела университета).

Таким образом, в публичной дискуссии, посвященной «идее университета», доминируют крайние позиции, достижение консенсуса по которым представляет значительную трудность. Природа этих позиций, специфика их развития и распространения характерны для «идеологической политики» (Oakeshott 2004a; Оукшотт 2002), сопровождающей интенсификацию одного принципа, организующего социетальный порядок, в ущерб другим. Использование подобных «обыденных абстракций» (Хайек 2003), служащих нормативными образцами и объяснительными моделями для текущей ситуации (подобно сегодняшней концепции научно-технологического прорыва) или фиксирующих уже устоявшиеся формы человеческого взаимодействия (такие, как государство или система высшего образования), может быть полезно в публичной сфере, государственной политике и управлении, однако такого рода упрощения безусловно искажают научное восприятие социально-политических процессов и идей.

Кеннет Миног обратил внимание на две причины, по которым мы склонны заблуждаться в отношении того, что есть университет и каким ему следует быть. Первая возникает из редукции представлений о самой сути университетского образования: оно все больше воспринимается как образование профессиональное, а не классическое. В свою очередь, это порождает механистическую трактовку университетского образования в качестве простой трансляции знаний – от преподавателя к студентам. Вторая причина, по его мнению, заключается в том, что восприятие современного университета базируется на социологическом предубеждении, сводящем суть этого института к его функционалу. В результате университет интерпретируется как невыразительная и податливая субстанция, зависимая от социальных контекстов и запросов. «...Привычка рассматривать университет в функционалистских терминах, – пишет Миног, – стала настолько распространенной, что вполне может утвердить себя в качестве исторической истины» (Minogue 1973: 2).

Публичная субъектность университета. Разрешить вышеописанное противостояние сторонников крайних позиций возможно только при условии отделения публичной субъектности университета от нормативных эссенциалистских представлений о том, чем он должен быть. Главная сложность состоит в том, что эта субъектность чаще всего ускользает из публичного дискурса и слабо в теоретическом плане артикулирована в анализе социетальной роли университета. Для предлагаемого подхода необходимо

«[ре]интерпретировать функции»¹ университета в соответствии с текущим познавательным запросом, то есть выделить контуры дискурса, которые наиболее удачно подчеркивают суть существующих представлений об университете, его положении в обществе и позволяют говорить о его адаптации к запросам рынков, государственных институтов и публичной сферы в целом.

Для этого мы предлагаем исследовать университет как агент социальных отношений, который в рамках демократической политики действует в качестве сообщества, обладающего интересами, автономией и, в некоторой степени, академической свободой. При этом мы акцентируем внимание на том факте, что университеты, действуя наряду с иными социальными группами и корпоративными организационными формами, отнюдь не всегда являются политическими или государственными институтами, а тем более структурами в управленческом аппарате государства, ответственными за решение вопросов национального благосостояния или государственного и строительства.

Стив Фуллер предлагает определить позицию университетов с помощью категории «полуправительственная организация» (*para-governmental organizations*) – для наблюдения за теми аспектами активности университетов (что справедливо и относительно некоторых других институтов, например церкви), которые можно квалифицировать как управленческие и «традиционно реализуемые государством». «Университеты, – утверждает автор, – заслуживают того, чтобы их рассматривали таким образом... [они] отличаются от неправительственных организаций как в плане своих компетенций, так и в плане специфики их отношений с государством» (Fuller 2006: 369).

Изучая публичную субъектность университета, мы, с одной стороны, базируемся на концептуальных построениях о роли различных, в том числе неправительственных, институтов в политическом процессе и регулировании отношений в публичной сфере². В связи с этим особенно важно обращение к работам Ф. Хайека (Хайек 2016), М. Оукшотта (Oakeshott 1975a; Oakeshott 1975b), Дж. Дьюи (Дьюи 2002; Dewey 1997), К. Морриса (Morris 2002), предлагающим теоретический аппарат, чтобы различать, во-первых, проблемы социально-политического порядка и проблемы государства, а во-вторых, проблемы государства и проблемы университета.

С другой стороны, этот взгляд опирается на исследования, в которых ценностно обусловленное видение будущего университета прагматично

¹ Здесь мы используем выражение Ю. Хабермаса, который под «интерпретацией функций» имеет в виду многообразие деятельности университета, включающее приумножение знания, подготовку студентов и следующих поколений академического сообщества и формирование общественного мнения (Habermas, Blazek 1987: 8).

² Ранее мы уже обозначали подобный подход, рассмотрев роль участников политического процесса (в том числе неполитических институтов) в формировании устойчивых оснований политического порядка и стабилизации социального развития (Вилисов, Телин, Филимонов 2020).

соединяется с научным анализом организаций, корпораций и социальных систем. Здесь помимо трудов упомянутого в числе прочих Дж. Дьюи следует обратить внимание на работы ученых, исполнявших административные обязанности в ведущих мировых университетах: Я. Пеликана (Pelikan 1992), Г. Розовски (Розовски 2015), Д. Бока (Bok 1982) и др. Все они были вынуждены – в теории и на практике – искать баланс в процессе стратегического позиционирования университетского сообщества по отношению к внешней среде¹.

Предлагаемый подход не отрицает приведенные выше нормативные идеалы, но уделяет больше внимания тому, как они влияют на публичную субъектность университета в процессе их институционального развития. История высшей школы свидетельствует, что не было никакого «золотого века» независимости университетов по отношению к агентам внешней среды, в качестве которых выступают правительства, рынок, корпорации или «общество» в целом (Deiaco, Hughes A., McKelvey 2012: 528). Как и любая другая организационная форма социетальных институтов, университет испытывал давление внешней среды и вступал во взаимодействие с другими акторами социетальных отношений, реализуя свои цели и обретая собственную идентичность, по поводу которой Х. Ортега-и-Гассет в речи о миссии университета отметил, что она находится в тесной связи с идентификационными процессами самого общества (Ортега-и-Гассет 2005).

Медиативная роль университета в организации социетально-го порядка. Как агент социетальных отношений университет участвует в воспроизводстве социальной иерархии (Бурдье, Пассрон 2007) и интеллектуальной, чаще всего экспертной, поддержке политических процессов (Bagshaw, Mc Vitty 2020). В то же время университет обладает достаточной публичной субъектностью и способностью к перформативному конституированию той или иной общности, чтобы оказывать влияние на социетальные изменения, о чем свидетельствует, в частности, роль университетов в событиях «долгого 68-го года» (Вайнен 2020).

Публичная субъектность университета и взаимодействие его с другими партнерами социетальных отношений позволяют отнести данный институт к медиаторам (*intermediaries*). Значительное число подходов, которые рассматривают деятельность медиаторов, направлены на то, чтобы выявить, описать и классифицировать функционал различных организационных форм, выступающих посредниками или же «пограничными» агентами и структурами в отношениях между участниками социетальных процессов (Howells 2006; Miller 2001. Подробнее о типологии медиаторов см.: Kivimaa et al. 2019). При этом в большинстве случаев интерес к организационным формам медиаторов обусловлен инновационной проблематикой, темами научно-технологического и устойчивого развития, поэтому данную часть методологического потенциала концепции

¹Позиция университета как активного агента публичной сферы вообще характерна для США, где вопрос автономии университета часто интерпретируется как вопрос об источниках его финансирования (Bok 2009; Clark 2004).

института-медиатора можно использовать, как правило, для рассмотрения того аспекта социетальной «функции» университета, который и так находится в зоне внимания в связи с прагматикой социального запроса на поиск институтов – драйверов развития.

Искомый же аспект социетального потенциала университета, соотносимый с его участием в политическом процессе, занимает небольшой сегмент в исследованиях, которые посвящены активности специальных фондов, поддерживающих научные исследования, работе аналитических центров, «фабрик мысли» и структур гражданского общества, определяющих тренды публичной политики и осуществляющих политический трансфер (Braun 1993; Сунгуров 2015). Показательно, что в данных исследованиях отмечается, что некоторые институты-медиаторы (такие, как «фабрики мысли») не только диктуют повестку дня публичной политики, но и конкурируют с университетами в формировании знаний, влияющих на убеждения агентов социетальных отношений.

Именно *знание* – его производство, сохранение и трансляция – является ключевым аргументом в обоснования позиции относительно *медиативной* роли университета. Большая часть теоретиков, чьи воззрения направляют сегодняшний дискурс «идеи университета», сходятся в признании той конституирующей роли, которую играет знание в организации социетального порядка (Фуллер 2018)¹ и политического процесса (Radaelli 1995). Избегая функционализма и «обыденных абстракций», заставляющих университеты встраиваться в разного рода «системы», отметим полезность наблюдения Б.Р. Кларка, который отводит знанию телеологическую, организационную роль: «...на высшую школу... можно смотреть по-разному: психологи могут считать ее местом, где люди развивают свою личность; социологи – основным институтом для достижения статуса или отказа в нем; политические ученые – местом политической мобилизации; экономисты – средством развития человеческого капитала... но знание в сыром виде и обработанное знание лежит в основе задач и составляет суть всякой системы высшего образования» (Кларк 2011: 24).

Ярослав Пеликан полагает знание ключевым фактором в плане определения сути университета. В поиске наиболее точной дефиниции понятия «университет» он в конечном итоге выделяет следующие основные функциональные его компоненты: 1) приращение знания в процессе исследований; 2) распространение (или расширение) знания в процессе преподавания; 3) программы специальной подготовки в университетах, включающие как общее знание, так и технические навыки; 4) сохранение знания как задача библиотек, галерей и музеев; 5) распространение (или, как пишет сам автор, «диффузия») знания через академические публикации (Pelikan 1992: 76).

¹ В понимании роли знания по отношению к социетальному порядку мы прежде всего исходим из позиций, представленных в институциональных и когнитивных исследованиях, в частности базируемся на работах Д. Норта (Норт 2010) и М. Аоки (Аоки 2015).

Концентрируя разного рода знание – научное и культурное, университет становится посредником между текущими интеллектуальными запросами общества и знанием его исторического опыта, убеждений и ценностей, определяющих поведение людей, то есть способствует «приобщению к цивилизации» (Оукшотт 2002: 240). Подобный коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков) и делает университет медиатором.

Пеликан прагматично отмечает наличие у университета обязательств по отношению к обществу. Эти обязательства различаются в зависимости от типа обществ и особенностей университетов. Наиболее устойчивые комплексы обязательств соответствуют трем основным траекториям, развивающим ту или иную «идею университета». Обращаясь к концепции Парсонса и Платта, выше мы связали эти траектории с разными уровнями социетальной организации (рыночным, бюрократическим и ассоциативным), на каждом из которых университет обозначает свою роль. На этой взаимосвязи акцентирует внимание и Ю. Хабермас, рассматривая современный статус университета в публичной сфере и подчеркивая двойственность положения университета по отношению к окружающим его социетальным контекстам. «Задачи, которые университет выполняет в обществе, должны, – пишет философ, – сохранять внутреннюю связь с целями, мотивами и действия членов этого общества... в этом смысле университет призван институционально воплощать и в то же самое время закреплять на мотивационном уровне ту жизненную форму, которая intersubjectively разделяется членами этого общества, является для него образцовой» (Habermas, Blazek 1987: 3). Функционал, который в концепции Парсонса и Платта связывает активность университета с разными уровнями социетальной организации, в концепции Хабермаса дополняется аспектом, подчеркивающим позиционирование университета по отношению к внешней среде.

Вместе с тем, исследуя публичную субъектность университетов и их медиативную роль, необходимо отказаться от того, чтобы требовать от университетской корпорации согласия, единства и тотализации. Такие требования не учитывают ни фракционализм научных сетей (Коллинз 2002), ни сложную структуру университетской корпорации и ее внутреннюю дифференциацию, которые проявились со времени возникновения университета, представлявшего собой объединение преподавателей и студентов (*universitas magistrorum et scholarum*). Сам университетский медиум, во всяком случае в теории, остается открытой коммуникационной площадкой для различных сторон и нередко подчеркнуто нейтральной стороной в политических дебатах. Предложив жесткие правила ведения формализованной рациональной дискуссии, университет обеспечил пространство для взаимодействия различных социетальных агентов и научился компенсировать крайние проявления общественно-политической дифференциации.

Данная медиативная роль университетов складывалась в процессе выработки перформативных форм производства и передачи знания.

Уже в Средние века университетская корпорация стала использовать две формы организации учебного процесса; это лекция (*lectio*) – чтение и интерпретация текстов и диспут (*disputatio*) – дискуссия с целью установления богословской или научной истины. Диспут предполагал, что его участники сомневаются в истине и ее необходимо доказать. По мнению В. Хойе, право на сомнение, которое отстаивали Пьер Абеляр, Фома Аквинский и университетские интеллектуалы, свидетельствует в пользу того, что университет создавался в соответствии с принципом толерантности (Хойе 2017: 33-47). Однако на практике более важное значение имели состязательный характер дискуссии, владение логикой, диалектикой, риторикой и навыками схоластического спора, знание предмета диспута, умение интерпретировать тексты Священного Писания. Интеллектуальное состязание имело сходство с судебным процессом и носило публичный характер (Novikoff 2013). Благодаря развитию культуры диспута университетская корпорация научилась переводить в формат формализованной рациональной публичной дискуссии обсуждение не только религиозных вопросов, но и различных общественно-политических проблем.

И что немаловажно, это происходило в странах с различными политическими режимами. Например, в Российской империи культура диспута была воспринята вскоре после создания Московского университета. С 1770-х гг. стали проводиться публичные защиты диссертаций, однако сначала такая практика носила нерегулярный характер и некоторые степени куратор или университетская конференция давали без защиты диссертаций (Иванов 1994; Феофанов 2011; Андреев, Посохов 2012: 338-388; Иванов 2016). Только Предварительные правила народного просвещения 1803 г. и Университетский устав 1804 г. закрепили обязательность защиты диссертаций на степень магистра и доктора наук. С этого момента и до настоящего времени защита диссертации осуществляется в ходе публичного диспута. Данный формат взаимодействия использовался также и в учебном процессе. Несмотря на отдельные попытки государственного вмешательства в подобного рода практику, диспут стал легальной возможностью обсуждать широкий круг вопросов, связанных не только с темой защищаемой диссертации, но и с текущей общественно-политической повесткой. По словам Т. Сандерса, в 1860–1910-е гг. «диспут стал ареной, на которой оппозиционные политические идеи, характерные для светского, прогрессивного, либерального *Weltanschauung* (мировоззрения) многих профессоров, могли обсуждаться с большей или меньшей степенью безопасности и получать общественную поддержку» (Сандерс 2012: 180). Этой «ареной» столь же успешно пользовалась консервативная и шовинистически настроенная профессура (Сандерс 2012: 181). Таким образом, российские университеты создавали условия для формализованной рациональной публичной дискуссии задолго до того, как такая дискуссия стала вестись на страницах периодических изданий и заседаниях общественно-политических организаций.

В той или иной степени университет обеспечивал условия для дискуссии даже в советский период, в особенности на низовом уровне – уровне кафедр, центров, лабораторий, семинаров и научных кружков, где в наибольшей степени проявлялось разномыслие (Фирсов 2008; Фирсов 2010; Тихонов 2014). Примечательно, что именно в этой среде сформировался круг интеллектуалов, названных Е.М. Примаковым «системными диссидентами»: они задумывались об альтернативных проектах модернизации советской политической системы и впоследствии приняли участие в подготовке реформ 1980–1990-х гг. (Примаков 1999: 11-65; ср.: Черкасов 2004: 355-384).

В целом университеты, сопровождая политический процесс и выступая площадкой для рациональной публичной дискуссии, формируют среду, позволяющую членам университетской корпорации взаимодействовать с другими агентами социетальных отношений и влиять на институциональные изменения социетального порядка (подробнее см.: Osborne 2004).

Заключение. В историографии сформировалось убеждение, что существующая проблематизация «идеи университета» ведет лишь к дальнейшему усилению конфликта различных нормативных и эссенциалистских представлений. В связи с этим ученые предложили следующие стратегии в отношении перечисленных идеалов: а) отказаться от обсуждения данной проблематики (Кларк 2011); б) попытаться увязать роли университета с различными уровнями социетальной организации (Parsons, Platt 1973); в) изменить теоретико-методологический фокус исследования, рассматривая университет, например, как институт «экономики знания» и «общества знания» (Фуллер 2018).

В данной статье мы предлагаем, во-первых, больше внимания уделить историко-институциональному подходу, который позволяет выявить влияние нормативных представлений на развитие университета и даже на изменение социетального порядка. Во-вторых, для нас было важно сосредоточиться на публичной субъектности университета и взаимодействии его с другими агентами социетальных отношений. Наконец, мы отталкивались от необходимости выработать критический взгляд на идеалы, определяющие представления об университете, стремясь по мере возможности не рассматривать его сквозь призму «обыденных абстракций», а также отказываясь от функционализма и эссенциализма.

В итоге мы пришли к теоретической позиции, с помощью которой попытались уловить текущую прагматику университетского сообщества, рынка и государства в отношении развития университетов и их вклада в организацию социетального порядка. Суть этой позиции заключается в том, что университет представляет собой институт-медиатор, который 1) обладает публичной субъектностью; 2) выступает агентом социетальных отношений, действуя в качестве организационной формы университетского сообщества; 3) осуществляет коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков); 4) создает условия для взаимодействия различных участников социетальных отношений, в том числе

на собственной площадке в рамках формализованной рациональной публичной дискуссии; 5) наконец, производит знания, влияющие на организацию социетального порядка. Все это в совокупности и позволяет считать университет медиатором.

Свою медиативную роль университет успешно выполняет как внутри университетской корпорации, так и вне ее, во многом благодаря своему полуправительственному положению. Исторически университет выработал формализованные рациональные публичные механизмы преодоления фракционализма научных сетей, дифференциации и фрагментации внутри университетской корпорации, то есть стал выполнять роль института-медиатора для себя. Выступая ключевым игроком на рынке знания, университет не только усилил свою медиативную роль в публичной сфере, но и начал оказывать влияние на институциональные изменения социетального порядка, то есть превратился в институт-медиатор для других. Такая позиция университета позволяет ему успешно балансировать между различными социальными ожиданиями и оставаться одной из самых стабильных и адаптивных организационных форм, конституирующих социетальный порядок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров Д.А. 2002. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. № 53. С. 90-104.

Андреев А.Ю., Посохов С.И. (ред.) 2012. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. Москва : РОССПЭН. 672 с.

Аоки М. 2015. Корпорации в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 368 с.

Бурдые П., Пассрон Ж.-К. 2007. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва : Просвещение. 267 с.

Вайнен Р. 2020. Долгий '68. Радикальный протест и его враги. Москва : Альпина нон-фикшн. 627 с.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. 2020. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 7-27.

Грейф А. 2013. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 536 с.

Гуторов В.А. 2009. Политическое образование и университетская традиция // Политическая экспертиза: Политэкс. Т. 5, № 4. С. 20-39.

Гуторов В.А. 2019. Образование в современном политико-теоретическом дискурсе (Библиографический обзор) // Полис. Политические исследования. № 3. С. 107-126.

Дьюи Дж. 2002. Общество и его проблемы. Москва : Идея-Пресс. 159 с.

Иванов А.Е. 1994. Ученые степени в Российской империи, XVIII в. – 1917 г. Москва : ИРИ РАН. 195 с.

Иванов А.Е. 2016. Ученое достоинство в Российской империи, XVIII – начало XIX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. Москва : Новый хронограф. 656 с.

Кант И. 2002. Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной ; отв. ред. Л.А. Калининков. Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та. 286 с.

Кларк Б.Р. 2011. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 360 с.

Коллинз Р. 2002. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск : Сибирский хронограф. 1280 с.

Кузьминов Я.И., Песков Д.Н. 2017. Дискуссия «Какое будущее ждет университеты». Москва, НИУ ВШЭ, 14 июля 2017 г. // Вопросы образования. № 3. С. 202-233.

Куренной В.А. 2020. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. № 1. С. 8-39.

Ле Гофф Ж. 2001. Средневековый мир воображаемого. Москва : Издат. гр. «Прогресс». 440 с.

Норт Д. 2010. Понимание процесса экономических изменений. Москва : Издат. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.

Ортега-и-Гассет Х. 2005. Миссия университета. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та. 104 с.

Оукшотт М. 2002. Рационализм в политике и другие статьи. Москва : Идея-Пресс. 288 с.

Примаков Е.М. 1999. Годы в большой политике. Москва : Совершенно секретно. 445 с.

Рингер Ф. 2008. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. Москва : Новое лит. обозрение. 648 с.

Розовски Г. 2015. Университет: Руководство для владельца. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 328 с.

Ростовцев Е.А. 2017. Столичный университет Российской империи. Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва : РОССПЭН. 904 с.

Сандерс Т. 2012. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / пер. с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. С. 161-192.

Соколов М.М., Лопатина С.Л., Яковлев Г.А. 2018. От товарищества к учреждениям: конституционная история российских вузов // Вопросы образования. № 3. С. 120-145.

Сунгуров А.Ю. 2015. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. Москва : Полит. энцикл. 283 с.

Тихонов В.В. 2014. Историки, идеология, власть в России XX века : очерки. Москва : ИРИ РАН. 218 с.

Уортман Р.С. 2004. Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России. Москва : Новое лит. обозрение. 516 с.

Феофанов А.М. 2011. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. : биобиблиогр. словарь. Москва : Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманит. ун-та. 253 с.

Фирсов Б.М. (ред.) 2010. Разномыслие в СССР и России (1945–2008) : сб. материалов науч. конф., 15-16 мая 2009 г. / под общ. ред. Б.М. Фирсова. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 366 с.

Фирсов Б.М. 2008. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы. История, теория, практики. Санкт-Петербург : Европ. дом ; Изд-во Европ. ун-та С.-Петербурга. 543 с.

Фуллер С. 2018. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой. Москва : Дело. 384 с.

Хайек Ф. 2003. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. Москва : Объедин. гуманит. изд-во. 288 с.

Хайек Ф. 2016. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва : ИРИСЭН ; Социум. 648 с.

Хойе В. 2017. Христианские корни демократии // Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке : сб. ст. рос. и нем. историков / отв. ред. К. Кроуфорд, Т.А. Некрасова. Москва ; Берлин : Директ-Медиа. С. 32-56.

Черкасов П.П. 2004. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. Москва : Весь мир. 572 с.

Шахрай С.М., Краковский К.П. (ред.) 2017. Юристы и революция: Pro et Contra. Москва : Кучково поле. 552 с.

Aghion P. et al. 2010. Regulation and Distrust / P. Aghion, Y. Algan, P. Cahuc, A. Shleifer // Quarterly Journal of Economics. Vol. 125, № 3. P. 1015-1049.

Bagshaw A., McVitty D. (eds.) 2020. Influencing Higher Education Policy: A Professional Guide to Making an Impact. London : Routledge. 180 p.

Bleiklie I. 1999. The University, the State, and Civil Society // Higher Education in Europe. Vol. 24, № 4. P. 509-526.

Bok D. 1982. Beyond the Ivory Tower. Social Responsibilities of the Modern University. Cambridge ; London : Harvard Univ. Press. 318 p.

Bok D. 2009. Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education. Princeton : Princeton Univ. Press. 248 p.

Braun D. 1993. Who Governs Intermediary Agencies? Principal-agent Relations in Research Policy-making // Journal of Public Policy. Vol. 13, № 2. P. 135-162.

Casanova P. 2004. The World Republic of Letters / Transl. M.B. De Bevoise. Cambridge : Harvard Univ. Press. 420 p.

Chagnon M.-E., Irish T. (eds.) 2018. The Academic World in the Era of the Great War. London : Palgrave Macmillan. 276 p.

Clark B.R. 2004. Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts. London : Open Univ. Press. 210 p.

Cruikshank J., Abbinnett R. (eds.) 2019. Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy. Vol. 33, № 4: Neoliberalism, Technocracy and Higher Education / Ed. J. Cruikshank, R. Abbinnett. [119] p.

De Ridder-Symoens H. (ed.) 2003. A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 536 p.

Deiaco E., Hughes A., McKelvey M. 2012. Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy // Cambridge Journal of Economics. Vol. 36, № 3. P. 525-541.

Dewey J. 1997. Experience and Education. New York : Simon & Schuster. 91 p.

Fuller S. 2006. Universities and the Future of Knowledge Governance from the Standpoint of Social Epistemology // Knowledge, Power and Dissent: Critical Perspectives on Higher Education and Research in Knowledge Society. Paris : UNESCO. P. 345-370.

- Grendler P.F. 2018. *Iesuit Schools and Universities in Europe, 1548–1773*. Leiden : Brill. 118 c.
- Habermas J., Blazek J.R. 1987. *The Idea of the University: Learning Processes // New German Critique*. No. 41. Special Issue on the Critiques of the Enlightenment. P. 3-22.
- Howells J. 2006. *Intermediation and the Role of Intermediaries in Innovation // Research Policy*. Vol. 35, № 5. P. 715-728.
- Kahl W. 2004. *Hochschule und Staat: Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen eines schwierigen Rechtsverhältnisses unter besonderer Berücksichtigung von Aufsichtsfragen*. Tübingen : Mohr Siebeck. 134 S.
- Kivimaa P. et al. 2019. *Towards a Typology of Intermediaries in Sustainability Transitions: A systematic Review and a Research Agenda / P. Kivimaa, W. Boonc, A. Hyysalo, L. Klerkx // Research Policy*. Vol. 48, № 4. P. 1062-1075.
- Miller C. 2001. *Hybrid Management: Boundary Organizations, Science Policy, and Environmental Governance in the Climate Regime // Science, Technology & Human Values*. Vol. 26, № 4. P. 478-500.
- Minogue K.R. 1973. *The Concept of a University*. London : Weidenfeld and Nicolson. 231 p.
- Morris Ch.W. 2002. *An Essay on the Modern State*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 305 p.
- Novikoff A.J. 2013. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. 384 p.
- Oakeshott M. 1975a. *On Human Conduct*. Oxford : Clarendon Press. 344 p.
- Oakeshott M. 1975b. *The Vocabulary of a Modern European State // Political Studies*. Vol. 23, № 2-3. P. 319-341.
- Oakeshott M. 2004a. *Conduct and Ideology in Politics // M. Oakeshott. What is History? And Other Essays: (Selected Writings) / Ed. L. O'Sullivan*. Exeter : Imprint Academic. P. 245-254.
- Oakeshott M. 2004b. *The Idea of a University // Academic Questions*. Vol. 17, № 1. P. 23-30.
- Osborne T. 2004. *On Mediators: Intellectuals and the Ideas Trade in the Knowledge Society // Economy and Society*. Vol. 33, № 4. P. 430-447.
- Parsons T., Platt G.M. 1973. *The American University*. Cambridge : Harvard Univ. Press. 463 p.
- Pelikan J. 1992. *The Idea of the University: A Reexamination*. New Haven : Yale Univ. Press. 288 p.
- Radaelli C.M. 1995. *The Role of Knowledge in the Policy Process // Journal of European Public Policy*. Vol. 2, № 2. P. 159-183.
- Schnur R. (ed.) 1986. *Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates*. Berlin : Duncker & Humblot. 880 S.
- Taylor J. 2018. *The Impact of the First World War on British Universities. Emerging from the Shadow*. London : Palgrave Macmillan. 356 p.
- Walden J.W.H. 1909. *The Universities of Ancient Greece*. New York : Charles Scribner's Sons. 367 p.
- Weik E. 2014. *The Market for Academic Knowledge: Its Historical Emergence and Inherent Tensions // British Journal of Educational Studies*. Vol. 62, № 4. P. 431-447.
- Wittrock B. 1993. *The Modern University: The Three Transformations // The European and American University since 1800: Historical and sociological Essays / Ed. Sh. Rothblatt and B. Wittrock*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 303-362.

Kirill G. Filimonov,

Institute of Socio-Political Research –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com

ORCID: 0000-0001-7698-8666

SPIN-код: 1930-3186

Andrey V. Topychkanov, Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia. E-mail: topychkanov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5372-4414

ResearcherID: A-6005-2017

ScopusID: 57191092610

SPIN-код: 2551-5113

Article received 20.12.2019, accepted 12.02.2020, available online 06.07.2020

**THE IDEA OF A UNIVERSITY: BEYOND ÉTATISME,
MANAGERIALISM, AND “IVORY TOWER”
(ON INTERMEDIARY FUNCTIONS OF A UNIVERSITY)**

Abstract. Modern universities often become a subject of discussion in the public sphere, during which the relevance of university programs, the financing of science and higher education, and a number of other issues are discussed. These discussions again and again prompt political theorists to reflect on the “idea of a university”. These ideas are associated with values, expectations and beliefs, and are most often expressed in the form of normative representations based either on pragmatism that define the university as a functional element of the state system, or on utilitarianism that required from the university to satisfy the economic demands of society, or on idealism that forces position the university as an “ivory tower”. The presented positions somewhat exaggerate the value of some of the university’s abilities to the detriment of others and distort not only the optics of research, but also the social beliefs that influences the development of state systems and universities. Based on the institutional approach, the authors of this article propose a theoretical position that allows to grasp the current pragmatics of the university community, the market and the state regarding the development of universities and their contribution to the organization of the societal order. According to this position, the university should be considered as an intermediary institution that has public subjectivity; acts as an organizational form of the university community and agent of societal relations; carries out a communicative exchange with the external environment (represented by societies, states, markets); creates conditions for the interaction of various agents of societal relations, including on their own space via a formalized rational public discussion; finally, it produces knowledge that influences the organization of the societal order. All of this taken together allows us to consider the university a mediator. This position of the university allows it to successfully fulfill its mediating role, both within the university corporation and outside it, balance between different social expectations and remain in one of the most stable and adaptive organizational forms that constitute the societal order.

Keywords: university; the idea of a university; étatism; managerialism; mediation; intermediary institution; societal order.

The research was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31634 “University as an Intermediary: Formulating a Conceptual Model of University Performance in Public Governing, and Resolving of Social and Political Development Issues”.

For citation: Filimonov K.G., Topychkanov A.V. «Idei universiteta»: za predelami etatizma, menedzherializma i «bashni iz slonovoy kosti» (k voprosu o mediativnykh funktsiyakh universiteta) [The idea of a university: beyond étatism, managerialism, and “ivory tower” (on intermediary functions of a university)], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 104-126. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204. (in Russ.).

References

Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and Distrust, *Quarterly Journal of Economics*, 2010, vol. 125, no. 3, pp. 1015-1049.

Aleksandrov D.A. *Fritts Ringer, nemetskie mandariny i otechestvennyye uchenye* [Fritz Ringer, German mandarins and Russian scientists], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 53, pp. 90-104. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Posokhov S.I. (eds.) *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [University in the Russian Empire of the 18th – the first half of the 20th century], Moscow, ROSSPEN, 2012, 672 p. (in Russ.).

Aoki M. *Korporatsii v usloviyakh rastushchego mnogoobraziya: poznanie, rukovodstvo i instituty* [Corporation in evolving diversity. Cognition, governance, and institutions], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2015, 368 p. (in Russ.).

Bagshaw A., McVitty D. (eds.) *Influencing Higher Education Policy: A Professional Guide to Making an Impact*, London, Routledge, 2020, 180 p.

Bleiklie I. The University, the State, and Civil Society, *Higher Education in Europe*, 1999, vol. 24, no. 4, pp. 509-526.

Bok D. *Beyond the Ivory Tower. Social Responsibilities of the Modern University*, Cambridge, London, Harvard Univ. Press, 1982, 318 p.

Bok D. *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2009, 248 p.

Bourdieu P., Passeron J.-C. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the theory of educational system], Moscow, Prosveshchenie, 2007, 267 p. (in Russ.).

Braun D. Who Governs Intermediary Agencies? Principal-agent Relations in Research Policy-making, *Journal of Public Policy*, 1993, vol. 13, no. 2, pp. 135-162.

Casanova P. *The World Republic of Letters*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 2004, 420 p.

Chagnon M.-E., Irish T. (eds.) *The Academic World in the Era of the Great War*, London, Palgrave Macmillan, 2018, 276 p.

Cherkasov P.P. *IMEMO: Portret na fone epokhi* [IMEMO: Portrait against the backdrop of an era], Moscow, Ves' mir, 2004, 572 p. (in Russ.).

Clark B.R. *Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noy perspektive* [The higher educational system: Academic organization in cross-national perspective], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, 360 p. (in Russ.).

Clark B.R. *Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts*, London, Open Univ. Press, 2004, 210 p.

Collins R. *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophy. A global theory of intellectual change], Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2002, 1280 p. (in Russ.).

Cruickshank J., Abbinnett R. (eds.) *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*, 2019, vol. 33, № 4: Neoliberalism, Technocracy and Higher Education, [119] p.

De Ridder-Symoens H. (ed.) *A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003, 536 p.

Deiaco E., Hughes A., McKelvey M. Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy, *Cambridge Journal of Economics*, 2012, vol. 36, no. 3, pp. 525-541.

Dewey J. *Experience and Education*, New York, Simon & Schuster, 1997, 91 p.

Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The public and its problems], Moscow, Ideya-Press, 2002, 159 p. (in Russ.).

Feofanov A.M. *Studenchestvo Moskovskogo universiteta XVIII – pervoy chetverti XIX v. : biobibliogr. slovar'* [Students of Moscow University in the 18th – first quarter of the 19th century: Bibliographic dictionary], Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011, 253 p. (in Russ.).

Firsov B.M. (ed.) *Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008): sb. materialov nauch. konf., 15-16 maya 2009 g.* [Disagreement in the USSR and Russia (1945–2008): proceedings], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010, 366 p. (in Russ.).

Firsov B.M. *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody. Istoriya, teoriya, praktiki* [Disagreement in the USSR, 1940–1960s. History, theory, practice], St. Petersburg, Evropeyskiy dom, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta Sankt-Peterburga, 2008, 543 p. (in Russ.).

Fuller S. *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'era uma vntri i vne akademii* [The sociology of intellectual life: The career of the mind in and around academy], Moscow, Delo, 2018, 384 p. (in Russ.).

Fuller S. Universities and the Future of Knowledge Governance from the Standpoint of Social Epistemology, *Knowledge, Power and Dissent: Critical Perspectives on Higher Education and Research in Knowledge Society*, Paris, UNESCO, 2006, pp. 345-370.

Grendler P.F. *Iesuit Schools and Universities in Europe, 1548–1773*, Leiden, Brill, 2018, 118 p.

Greyf A. *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli* [Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade], Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2013, 536 p. (in Russ.).

Gutorov V.A. *Obrazovanie v sovremennom politiko-teoreticheskom diskurse (Bibliograficheskiy obzor)* [Education in current political and theoretical discourse: Bibliographic review], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 107-126. (in Russ.).

Gutorov V.A. *Politicheskoe obrazovanie i universitetskaya traditsiya* [Political education and university tradition], *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, 2009, vol. 5, no. 4, pp. 20-39. (in Russ.).

Habermas J., Blazek J.R. The Idea of the University: Learning Processes, *New German Critique*, 1987, no. 41: Special Issue on the Critiques of the Enlightenment, pp. 3-22.

Hayek F. *Kontrrevolyutsiya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyakh razumom* [Counter-revolution of science: Studies on the abuse of reason], Moscow, Ob»edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2003, 288 p. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsiptov spravedlivosti i politiki* [Law, legislation and liberty. A modern understanding of liberal principles of justice and politics], Moscow, IRISEN, Sotsium, 2016, 648 p. (in Russ.).

Howells J. Intermediation and the Role of Intermediaries in Innovation, *Research Policy*, 2006, vol. 35, no. 5, pp. 715-728.

Hoye W. *Khristianskie korni demokratii* [Christian roots of democracy], K. Krouford, T.A. Nekrasova (resp. eds.). *Khristianstvo v obshchestvennoy, politicheskoy i dukhovnoy zhizni Germanii v XX veke : sb. st. ros. i nem. istorikov*, Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2017, pp. 32-56. (in Russ.).

Ivanov A.E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiyskoy imperii, XVIII – nachalo XIX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly* [Scientific dignity in the Russian Empire, the 18th – the beginning of the 19th century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education], Moscow, Novyy khronograf, 2016, 656 p. (in Russ.).

Ivanov A.E. *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii, XVIII v. – 1917 g.* [Degrees in the Russian Empire, 18th century – 1917], Moscow, IRI RAN, 1994, 195 p. (in Russ.).

Kahl W. *Hochschule und Staat: Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen eines schwierigen Rechtsverhältnisses unter besonderer Berücksichtigung von Aufsichtsfragen* [Institutions of Higher Education and the State. Reflections on the History of the Development of a Difficult Legal Relationship with a Focus on Questions of Supervision], Tübingen, Mohr Siebeck, 2004, 134 p. (in German).

Kant I. *Spor fakul'tetov* [The contest of faculties], Kaliningrad, Izdatel'stvo Kalinigradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 286 p. (in Russ.).

Kivimaa P., Boonc W., Hyysalo A., Klerkx L. Towards a Typology of Intermediaries in Sustainability Transitions: A systematic Review and a Research Agenda, *Research Policy*, 2019, vol. 48, no. 4, pp. 1062-1075.

Kurennoy V.A. *Filosofiya liberal'nogo obrazovaniya: printsipy* [Philosophy of liberal education: principles], *Voprosy obrazovaniya*, 2020, no. 1, pp. 8-39. (in Russ.).

Kuz'minov Ya.I., Peskov D.N. *Diskussiya «Kakoe budushchee zhdet universitety».* *Moskva, NIU VShE, 14 iyulya 2017 g.* [Discussion 'What the future holds for universities.' Moscow, HSE, July 14, 2017], *Voprosy obrazovaniya*, 2017, no. 3, pp. 202-233. (in Russ.).

Le Goff J. *Srednevekovyy mir voobrazaemogo* [The medieval imagination], Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001, 440 p. (in Russ.).

Miller C. Hybrid Management: Boundary Organizations, Science Policy, and Environmental Governance in the Climate Regime, *Science, Technology & Human Values*, 2001, vol. 26, no. 4, pp. 478-500.

Minogue K.R. *The Concept of a University*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1973, 231 p.

Morris Ch.W. *An Essay on the Modern State*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002, 305 p.

North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010, 256 p. (in Russ.).

Novikoff A.J. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2013, 384 p.

Oakeshott M. *Conduct and Ideology in Politics, M. Oakeshott. What is History? And Other Essays: (Selected Writings)*, Exeter, Imprint Academic, 2004, pp. 245-254.

Oakeshott M. *On Human Conduct*, Oxford, Clarendon Press, 1975, 344 p.

Oakeshott M. *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in politics and other essays], Moscow, Ideya-Press, 2002, 288 p. (in Russ.).

Oakeshott M. The Idea of a University, *Academic Questions*, 2004, vol. 17, no. 1, pp. 23-30.

Oakeshott M. The Vocabulary of a Modern European State, *Political Studies*, 1975, vol. 23, no. 2-3, pp. 319-341.

Ortega y Gasset J. *Missiya universiteta* [Mission of the university], Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 104 p. (in Russ.).

Osborne T. On Mediators: Intellectuals and the Ideas Trade in the Knowledge Society, *Economy and Society*, 2004, vol. 33, no. 4, pp. 430-447.

Parsons T., Platt G.M. *The American University*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1973, 463 p.

Pelikan J. *The Idea of the University: A Reexamination*, New Haven, Yale Univ. Press, 1992, 288 p.

Primakov E.M. *Gody v bol'shoy politike* [Years in the big politics], Moscow, Sovershenno sekretno, 1999, 445 p. (in Russ.).

Radaelli C.M. The Role of Knowledge in the Policy Process, *Journal of European Public Policy*, 1995, vol. 2, no. 2, pp. 159-183.

Ringer F. *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The decline of the German mandarins: The German academic community, 1890–1933], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 648 p. (in Russ.).

Rosovsky G. *Universitet: Rukovodstvo dlya vladel'tsa* [The university: An owner's manual], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015, 328 p. (in Russ.).

Rostovtsev E.A. *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii. Uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The capital university of the Russian Empire. The scientific estate, society and power (second half of the 19th— beginning of the 20th century)], Moscow, ROSSPEN, 2017, 904 p. (in Russ.).

Sanders T. *Tretiy opponent: zashchity dissertatsiy i obshchestvennyy profil' akademicheskoy istorii v Rossiyskoy imperii* [The third opponent: Dissertation defenses and the public profile of academic history in late imperial Russia], A.N. Dmitriev (resp. ed.). *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012, pp. 161-192. (in Russ.).

Schnur R. (ed.) *Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates* [The Role of Lawyers in the Emergence of Modern States], Berlin, Duncker & Humblot, 1986, 880 p. (in German).

Shakhray S.M., Krakovskiy K.P. (eds.) *Yuristy i revolyutsiya: Pro et Contra* [Lawyers and revolution: Pro et contra], Moscow, Kuchkovo pole, 2017, 552 p. (in Russ.).

Sokolov M.M., Lopatina S.L., Yakovlev G.A. *Ot tovarishchestva k uchrezhdeniyam: konstitutsionnaya istoriya rossiyskikh vuzov* [From partnership to institutions: The constitutional history of Russian universities], *Voprosy obrazovaniya*, 2018, no. 3, pp. 120-145. (in Russ.).

Sungurov A.Yu. *Kak voznikayut politicheskie innovatsii: «fabriki mysli» i drugie instituty-mediatory* [How political innovations arise: 'think tanks' and other institutions-intermediaries], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 283 p. (in Russ.).

Taylor J. *The Impact of the First World War on British Universities. Emerging from the Shadow*, London, Palgrave Macmillan, 2018, 356 p.

Tikhonov V.V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka : ocherki* [Historians, ideology, and power in Russia of the 20th century: Essays], Moscow, IRI RAN, 2014, 218 p. (in Russ.).

Vaynen R. *Dolgiy '68. Radikal'nyy protest i ego vragi* [The Long '68: Radical Protest and Its Enemies], Moscow, Al'pina non-fikshn, 2020, 627 p. (in Russ.).

Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. *Ot ustoychivosti k stabil'nosti: chto delaet «khoroshim» gosudarstvennoe upravlenie* [From resilience to stability: What makes good public administration], *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2020, no. 1, pp. 7-27. (in Russ.).

Walden J.W.H. *The Universities of Ancient Greece*, New York, Charles Scribner's Sons, 1909, 367 p.

Weik E. The Market for Academic Knowledge: Its Historical Emergence and Inherent Tensions, *British Journal of Educational Studies*, 2014, vol. 62, no. 4, pp. 431-447.

Wittrock B. The Modern University: The Three Transformations, *Sh. Rothblatt, B. Wittrock (eds.). The European and American University since 1800: Historical and sociological Essays*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1993, pp. 303-362.

Wortman R.S. *Vlastiteli i sud'i: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Rulers and judges: The development of a Russian legal consciousness], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, 516 p. (in Russ.).